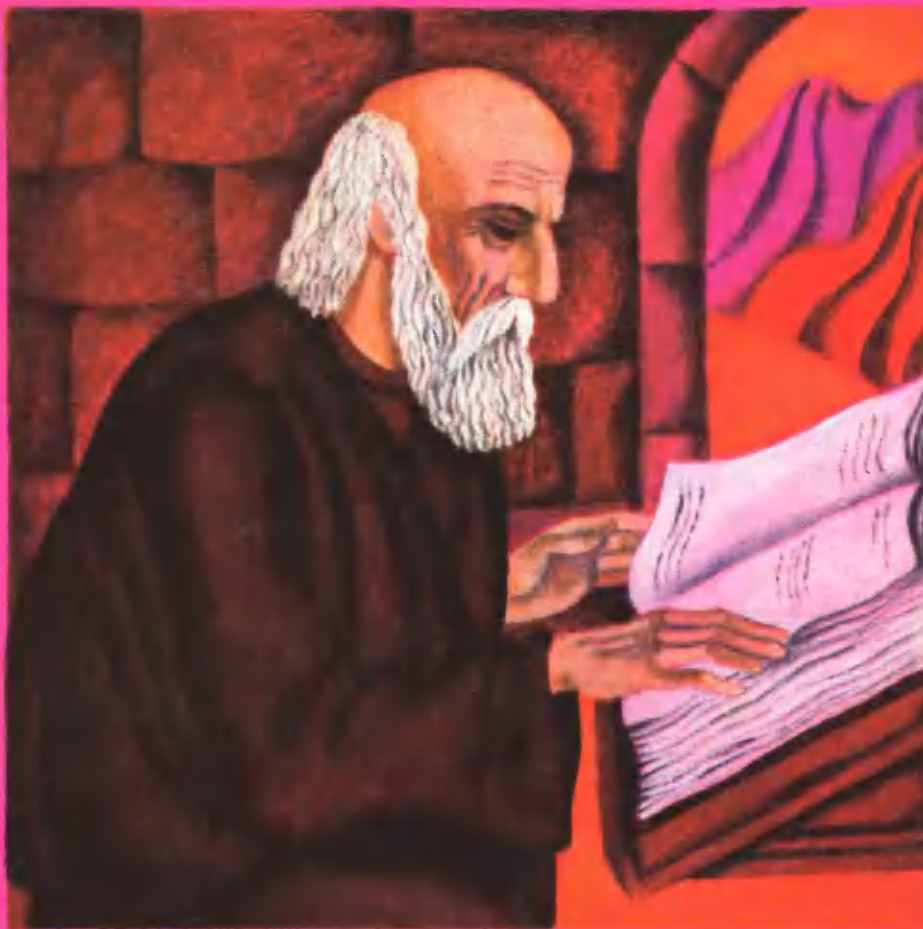

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
НАШЕЙ ОДИНЫ

**ВАРДВАН
ВАРЖАПЕТЯН**

**САД
ЦВЕТУЩИХ
БУКВ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» 1991

**ВАРДВАН
ВАРЖАПЕТЯН**

**САД
ЦВЕТУЩИХ
БУКВ**

Рассказ о том, как Месроп Маштоц
создал армянский алфавит,
а народ сберёг его

Рисунки
Д. ХАЙКИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ» МОСКВА 1991

*АРМЕНИЯ — древняя страна,
ей тысячи лет. Она знала и счастливые,
и страшные дни. Не раз многочисленные полчи-
ща врагов топтали её землю, жгли селения и го-
рода, убивали жителей, угоняли их в рабство.*

*В 387 году завоёванную страну поделили между
собой её могущественные соседи — Византия и
Персия. Казалось, ничто уже не спасёт народ ар-
мянский, его живую речь, святую веру предков от
уничтожения. История знает множество таких при-
меров, когда с лица земли исчезали целые народы
и государства, не оставив даже названия.*

*Что же тогда могло спасти народ? Войско? Оно
храбро сражалось, но врагов было много больше.
Бегство? Но чужбина никогда не станет человеку
настоящей родиной...*

*И тогда случилось чудо! Его совершили сами
люди, придумав для родной речи простые и вол-
шебные значки — БУКВЫ. Да, буквы, те самые,
которые известны сегодня каждому школьнику.
А тогда они помогли древним армянам сохранить
свой язык, свою национальную культуру. Создан-
ный в IV веке армянский алфавит донёс до нас
через века живой голос древней Армении. А первым
начертал эти буквы учёный и просветитель Месроп
Маштоц. О нём, о его жизни и подвиге расскажет
вам эта книга.*

Г Ю Т

Жили в давние времена муж и жена. Когда персы напали на их селение, они бежали, прятались в лесах. Очень хотелось вернуться им домой — ведь и птица возвращается туда, где родилась, и рыба. Минула осень, прошла зима, а весной пустились они в путь: крестьянин, его жена и трое детей. Девочки-сёстры шли сами, а спелёнутого младенца мать прижала к сердцу, да ещё несла хлеб лаваш, завернутый в холстину.

Долго они шли и пришли к быстрой реке Аракс.

— Что делать, жена? — спрашивает крестьянин. — Стой хоть сто лет, река не остановится!

Взял дочерей на руки и пошёл. Била его река камнями, хлестала жёлтыми волнами, сорвала с головы чёрную баранью шапку. Поднял отец детей повыше, из последних сил выбрался на берег. А жена осталась за рекой. Девочки кричат, зовут мать. Пошла и она. Ох, как холодно босым ногам! Захлестнула её волна, тянет в водоворот. Бросила женщина завернутый хлеб, схватилась за куст орешника, на силу спаслась. Скорее развернула мокрый холст, а там — лаваш. Хлеб она, несчастная, спасла, а не младенца! С плачем бросилась в волны, но нет её сыночка, унесла его река...

Услышала река Аракс крик матери, у которой отняла сына. Вернула бы, но ведь река вспять не течёт, никогда не возвращается. Ласковой волной, как в колыбели, убаюкала она дитя, а когда мальчик уснул, бережно вынесла его на берег, на мягкую траву.

А бабушка Грануш косила траву для козлёнка. Видит — лежит на берегу младенец, сучит ножками. Укутала его старушка в пуховый платок, принесла домой, напоила козьим молоком. Не долго она думала, какое имя дать мальчику, назвала его Гют, что по-армянски значит Найдёныш.

И остался Гют у бабушки Грануш, стал ей внуком.

ХЛЕБ

Больше всего Гют любит, когда бабушка печёт лаваш — хлеб из тонко раскатанного теста.

Горит огонь в печи, похожей на громадный глиняный кувшин, вкопанный в землю. Гудит пламя, огненными пчёлами роятся искры, малиновым жаром пышут угли — самое время выпекать лаваш. Гют раскатывает тесто, а бабушка перебрасывает с руки на руку, пока оно не станет тонким. На коленях у неё щит из гибкой лозы: подбит сеном, крепко обтянут холстом. Натянет бабушка тесто на щит, окропит водой и — шлёп! — припечатает к раскалённому печному боку. Только успевай выдёргивать горячий хлеб из печи!

Вдалеке слышен звон колокола, но от печи нельзя отойти даже на молитву, пока не кончится тесто. Ведь хлеб пекут не на день, а на месяц. Оставляют лишь кусок теста величиной с кулак — закваску. На ней потом заквасят новое тесто.

— Бабушка, а где взяли закваску?

— Всегда она была, внучек. Воды уже той не осталось, в которой замесили тесто, и огня, на котором первый хлеб пекли, а все они в этом кусочке: вода, огонь, труд праматери нашей. Ох, не даёт нам враг житья, гонит с родной земли! А много ли унесёшь с собой? Детей да хлеб. Ешь, родной мой, — хлеб свят и доброму учит.

— Бабушка, а что значит — святое?

— Святое? А самое заветное для человека, что истинно и благо. РОДИНА свята, ХЛЕБ свят, и СЛОВО свято.

ПЕРЕВОДЧИК

Гют рос, а Грануш к земле клонилась. Внук нагибался, когда в дом входил, а бабушка и хочет выпрямиться, да не может — сгорбили её годы и заботы. Уже и встать, старая, не может. Накормил её Гют, поправил подушку, укрыл бабушку овчиной, чтоб ей теплее было.

— Теперь, сладкий мой, и умирать не страшно. Взрастила я тебя, а дальше сам расти. Когда умру, похорони меня на берегу реки, между большим камнем и кизилowym кустом. Там я нашла тебя. Если трудно будет, иди к реке — она поможет...

Похоронил Гют бабушку между кизилowym кустом и камнем. Плачет. Слышит — и рядом кто-то плачет.

— Ох, горе мне, старой! Сыночек мой за рекой живёт, как же к нему дойти?

— Не горюйте, матушка, я вас переведу.

Взял Гют у старушки ягнёнка, велел ей крепко держаться за верёвку, которой подпоясался. Только Гют ступил в стремнину, быстрое течение притихло, река перестала ворочать камни, выгнула дно мостом. Юноша и старушка перешли Аракс.

С того дня стал Гют переводить людей с берега на берег. Кто хлеба ему даст, кто яблок, кто мёда. Так и жил.

Проснулся однажды Гют, подпоясавшись, пошёл к реке, чтобы умыться. А возле большого камня на коленях стоит монах — чёрный, как ворон, в чёрной рясе, в чёрной островерхой шапке-клобуке. Водит пальцем по раскрытой книге, тихо и печально молится. Увидел Гюта, спрашивает:

— Юноша, нет ли поблизости моста?

— Был, но его ещё в половодье снесло.

— Как же мне теперь в монастырь вернуться?..

Помог Гют старцу перейти Аракс. Удивился монах, как бурная река вдруг присмирела. Зорко посмотрел на Гюта.

— Доброе у тебя сердце, юноша. Хочу и я воздать тебе добром. Прими псалтырь — книгу молитв наших.

— Лучше научи меня грамоте, — попросил Гют. — Во всём селении у нас нет никого, кто знает буквы.

— Каким же буквам научить тебя? Знаю я греческие, еврейские, сирийские...

— А это какие? — Гют показал на книгу в кожаном переплёте.

— Греческие.

— Как же так! — удивился Гют. — Армяне мы, а молимся по-гречески? Так не бывает!

— Всякое бывает, юноша. Эту книгу переписал грек. Давно нет его в живых, а я читаю письма, начертанные им, и понимаю. Великое это чудо! Напишу РЕКА — и даже если она иссякнет, прочтает моё слово человек — и оживёт для него река, заплещется в ней рыба. Напишу ХЛЕБ — он сто лет не зачерствеет. Напишу ГЮТ — и через века люди узнают твоё имя. Но армянские буквы ещё не написаны. Давно трудится над ними Месроп Маштоц...

— А кто он?

— Кто он? — переспросил монах. — Оба мы из села Хацекац, только я постарше. Помню, бывало, увидит Месроп агвана, ивера, грека, так и вцепится в него реньём: а как у вас называются хлеб и вода, как сосчитать от одного до десяти? Откуда в нём такая страсть к чужим языкам? Месроп ведь хотел стать воином... Говорят, храбро воевал. Потом во дворце служил, составлял царские указы, тут и пригодилось ему знание языков. С его-то умом мог бы и князем стать, а стал монахом. Только нет в нём смирения, и труд он избрал для человека непосильный: дать нашему народу письма. Ах, дитя моё, хотелось бы поверить в чудо и перед смертью хоть одно слово написать армянскими буквами! Но не бывало ещё такого, чтобы буквы создал человек: и грекам, и сирийцам, и евреям письма дал бог. Если хочешь, научу тебя тому, что сам знаю.

— Нет, — обиделся Гют, — чужие буквы мне не нужны!

НАНЭ

Сидел однажды Гют на берегу, строгал ножом сухую ветку и не сразу услышал чей-то крик. Вгляделся Гют — зовёт его девушка, машет платком на том берегу.

Птицей перелетел он реку, поднял девушку на руки, бережно перенёс через Аракс.

— Спасибо, Гют, — ласково сказала девушка.

— Откуда ты знаешь моё имя?

— Многие тебя знают, добром вспоминают.

— А как тебя зовут, красавица?

— Нанэ.

— Где мне найти твоих родителей, Нанэ? Пойду к ним, скажу, что больше жизни я тебя полюбил!

— Нет у меня ни отца, ни матери.

— Не плачь, Нанэ. Смотри, солнце вышло из-за туч! Пусть оно будет тебе отцом, река матерью, а я мужем.

Улыбнулась девушка сквозь слёзы. Правду говорят: если добрый человек взглянет — и камень зазеленеет.

На крыше дома бабушки Грануш огромное гнездо, а в нём — два чернохвостых белых аиста громко трещат красными клювами. По двору важно вышагивает петух. Увидел Нанэ, сердито захлопал крыльями: мол, а это кто?

— Это жена моя, — засмеялся Гют. — Эх, водицы бы испить!

— На, попей.

Обернулся — Нанэ держит кувшин. И когда только успела принести? Разломил Гют лепёшку, поделился с Нанэ.

И стали они мужем и женой, стали друг для друга хлебом и водой. Ожил старый дом. Весело горит огонь в очаге. Петух на заре будит Гюта и Нанэ звонкой песней.

Начал Гют возделывать поле. Выворачивал камни, из-за реки носил в кожаном мешке землю, насыпал своё поле, чтоб ячменём засеять. Долог день пахаря. Крестьянин пока не устанет, не сядет. И Нанэ весь день на ногах: надо кур накормить, козу подоить, пол подмести, воды принести... Так и жили.

ГЮТА ЗОВЁТ ЦАРЬ

Светлое июньское утро 405 года.

Роса на цветах не обсохла, а пахарь уже в поле, кузнец — в кузнице, мельник — на мельнице, женщины — у родника.

На рыжем склоне горы овцы пасутся, но за камнями их не видно, издали кажется, что пастух пасёт тени облаков.

На краю поля Гют нашёл гнездо, сплетённое из травинки и листьев. Сбило его с репейника градом или дождём. Птенцы подросли, улетели, и гнездо опустело. Вдохнул Гют и видит: по склону Нанэ бежит, запыхалась.

— Гют, скорее, тебя царь зовёт!

— Эх, жена, вспоминает царь пахаря, чтоб на войну послать или урожай отнять.

— Что ты говоришь! — испугалась Нанэ. — Услышит царь, голову тебе снесёт. Смотри, скачут за тобой!

И верно — скачут. Один из воинов подвёл Гюту коня.

— Поспеш, государь ждёт!

...Тысячи людей собрались на берегу Аракса. Гремели барабаны, надували щёки зурначи, знамёна полыхали на солнце. Возле огромного камня на резных тронах восседали царь и католикос¹. Жарко царю в золотой короне, но смотрит радостно. Ласково улыбается и патриарх, выпутывая из седой душистой бороды пчелу.

Гют спешился с коня, подошёл.

— Слышал, Месроп Маштоц возвращается на родину? — обратился к нему царь. — С дарами дивными для всей нашей страны: будут отныне и у нас свои письма. Видишь, народ встречает Маштоца цветами и песнями, да некому перевести его через Аракс. Сможешь?

— Смогу, государь.

— А какую награду просишь?

— Когда переведу, тогда попрошу.

Гют подошёл к реке.

— Мать-река, помоги мне! — прошептал он. Услышала его река Аракс, прибила волной камень к камню, чтобы Гют не оступился, ног не замочил.

¹ Католикос — глава армянской церкви.

МАШТОЦ

А на правом берегу стоял Маштоц, прижимая к груди свиток. В пурпурном одеянии, чёрном плаще, подбитом алым шёлком. Пыль дальних дорог запорошила ремешки сандалий. Долгий и тяжкий путь он прошёл. Вместе со своими учениками был в Константинополе, Эдессе, Самосате, изучил письмена многих народов. Но чужие буквы не могли передать звучание армянской речи. Надо было создавать новый алфавит. А как? Как создать букву, если её никогда не было? Он всматривался в облака и изломы гор, в узоры камня и прожилки листьев, в морщинистые лица старцев и росчерк птичьего крыла, во сне и наяву искал рисунок букв.

Когда, после долгих трудов, Маштоц впервые написал по порядку все тридцать шесть созданных им букв, ему нестерпимо захотелось показать их всему миру. Он дрожал, словно в лихорадке. Едва дождавшись утра, отнёс свиток Рофаносу, искуснейшему греку-каллиграфу, дабы тот придал законченность новорождённому алфавиту. Каждая буква должна передать определённый звук речи, как цветок — запах, нота — музыкальный тон. Но это ещё не всё: буква должна быть прекрасна и проста в написании. Вот они — в четыре столбца начертаны на белом пергаменте, замерли, как птицы на снегу.

Держась за пояс Гюта, Маштоц вошёл в реку. Быстрая вода смыла пыль с сандалий. Вот и берег.

Маштоц развернул зазвеневший свиток с дивными буквами, высоко поднял его задрожавшими руками — и словно огненный ветер

склонил траву: тысячи людей обнажили головы и опустились на колени.

— Братья и сёстры мои! После многих трудов начертал я эти буквы, назвал их и расставил по порядку. Ныне с любовью и надеждой вручаю вам письма армянские. Да будут они во веки веков нашей твердыней, спасением и жизнью вечной! Обещаю вам: сколько моей жизни хватит, днём и ночью, без усталости буду учить, писать, переводить. Слушайте!..

Ни у одного учителя не было столько учеников, сколько собралось в тот день на берегу Аракса. И каждый с радостью внимал словам Маштоца.

— Айб! — Маштоц назвал первую букву алфавита, и тысячи людей повторили: «Айб».

— Бен! — назвал он вторую букву, и громом прогремело: «Бен».

— Гим!..

Так Учитель назвал все тридцать шесть букв. Вместе со всеми их громко повторял Гют. Он стоял далеко, но с высоты своего богатырского роста хорошо видел Маштоца.

НАГРАДА

Царь забыл о своём обещании, но Гют напомнил.

— А, это ты! Ладно, награжу тебя: дам сто золотых. Был ты нищим, теперь станешь богачом.

— Не надо мне богатства, государь, — отказался Гют. — Бедняк нуждается в хлебе, а богач — во всём. Другую награду я прошу: пусть Маштоц научит грамоте детей нашего селения.

— А кто же станет учить моего сына, княжеских детей? — удивился царь. — Кто будет переводить книги, писать историю нашей страны?

Маштоц прислушался, о чём говорят царь и крестьянин.

— Кто ты? — спросил он Гюта.

— Все называют меня переводчиком.

Князья и придворные захохотали.

— Я перевожу людей через Аракс, — упрямо повторил Гют.

— Доброе дело, — улыбнулся Маштоц. — Ты переводишь человека с берега на берег, а письма переводят народы через пропасть непонимания и вражды. Строят этот мост из букв. Мало нас пока, строителей, — Маштоц показал на учеников, — но станет больше. И в вашем селении будут дети учиться, обещаю тебе.

— Учитель, напиши хоть одну букву, чтобы и нам осталась память об этом дне, — попросил Гют.

— Корюн, дай пергамент.

Юноша лет двадцати, радостно глядевший на Учителя, тотчас подал пергамент, подложив под него плоский камень, достал из мешочка, подвязанного к поясу, медную чернильницу. Маштоц макнул перо в чернила, твёрдо начертил крепкие, словно из железа кованные слова:

ПОНЯТЬ МУДРОСТЬ И НАСТАВЛЕНИЯ — ПОНЯТЬ ИЗРЕЧЕНИЯ РАЗУМА.

Это были первые слова, написанные армянскими буквами.

ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО

Маленькое поле, а камней на нём больше, чем земли. И откуда они берутся? Собирает Гют камни, а Нанэ рядом стоит — принесла мужу узелок с едой.

— Поешь, Гют. Отдохни.

— И ты отдохни, жена. С утра дотемна трудишься.

— Не от работы я устала, Гют, — от горя. Каждую ночь слышу, как дети меня зовут, а проснусь — нет никого, только мы с тобой. Лучше умереть, чем так жить!

Вздохнул Гют, обнял жену.

— И я сегодня видел сон: стою на берегу реки и вижу в волнах золотое яблоко. Хочу достать его, а не могу, никак не дотянусь.

— Сердцем чувствую — сон твой к добру, Гют. Иди к Маштоцу, он мудрый человек, поможет советом...

И пошёл Гют к Маштоцу.

ПЕРВЫЙ УРОК

Гют не застал Маштоца в Вагаршапате¹, а где он, никто не знал: ведь вся Армения для него, как школа, весь народ — ученики. Без устали странствовал Маштоц по родной земле, помогал устраивать школы и книгохранилища, переводил труды древних писателей, воспитывал будущих учителей и переписчиков книг.

Много дорог прошёл вслед за ним Гют. Наконец, пришёл в один монастырь. Долго стучал в крепкие ворота, пока впустил его неприветливый монах.

Между сугробами протоптаны тропинки в церковь. Каменный храм искрится инеем. Тихо вокруг, даже колокол приморозил язык. Словно опустела земля, и только в одной маленькой келье свечой теплится жизнь. Потрескивает горящий фитиль, скрипит дверь на

¹ Вагаршапат — древнее название города Эчмиадзина.

кожаных петлях, простуженно кашляет Маштоц. Измучила его болезнь: лицо осунулось, пожелтело, пот выступил на лбу, хотя в келье холодно. Да и Гют от волнения вспотел, мнёт в ладонях лохматую шапку.

— Не знаю, с чего начать... Тридцать лет мы с женой живём, но не дал нам бог детей. А весной привиделся мне сон, будто стою на берегу реки, а в волнах золотое яблоко. Хочу его схватить — и не могу, не дотянусь никак. Рассказал я сон моей Нанэ, она и говорит: ступай к Маштоцу, он добрый совет даст.

Маштоц задумался, снял нагар со свечи.

— Селение ваше ведь не велико?

— Но и не маленькое, — обиделся Гют. — Мельница своя, кузница.

— А много ли детей?

Гют наморщил лоб, стал вслух считать:

— У кузнеца двое, у мельника шестеро, пятеро у пастуха, да и у других... Только у нас с Нанэ нет никого.

— А сколько детей грамоте обучены? — продолжал спрашивать Маштоц.

— Кто ж их учил? У нас и книгу-то никто в глаза не видел.

— Ну вот, Гют, и разгадка твоему сну: дитя ты во сне видел, дитя чудесное... Идём!

По сводчатой галерее они прошли в монастырское книгохранилище. У входа Маштоц отдал свечу монаху: в хранилище не зажигали огня — слишком трудно создавалась книга, чтобы подвергать её опасности.

Холодный свет, проникая через восьмиугольное отверстие купола, освещал десяток мальчиков, сидевших на рогожах вокруг учителя, монаха в ветхой рясе. Каждый ученик держал на коленях дощечку с прорезанными на ней буквами, старательно обводил их тонкой железной палочкой. Гют остановился.

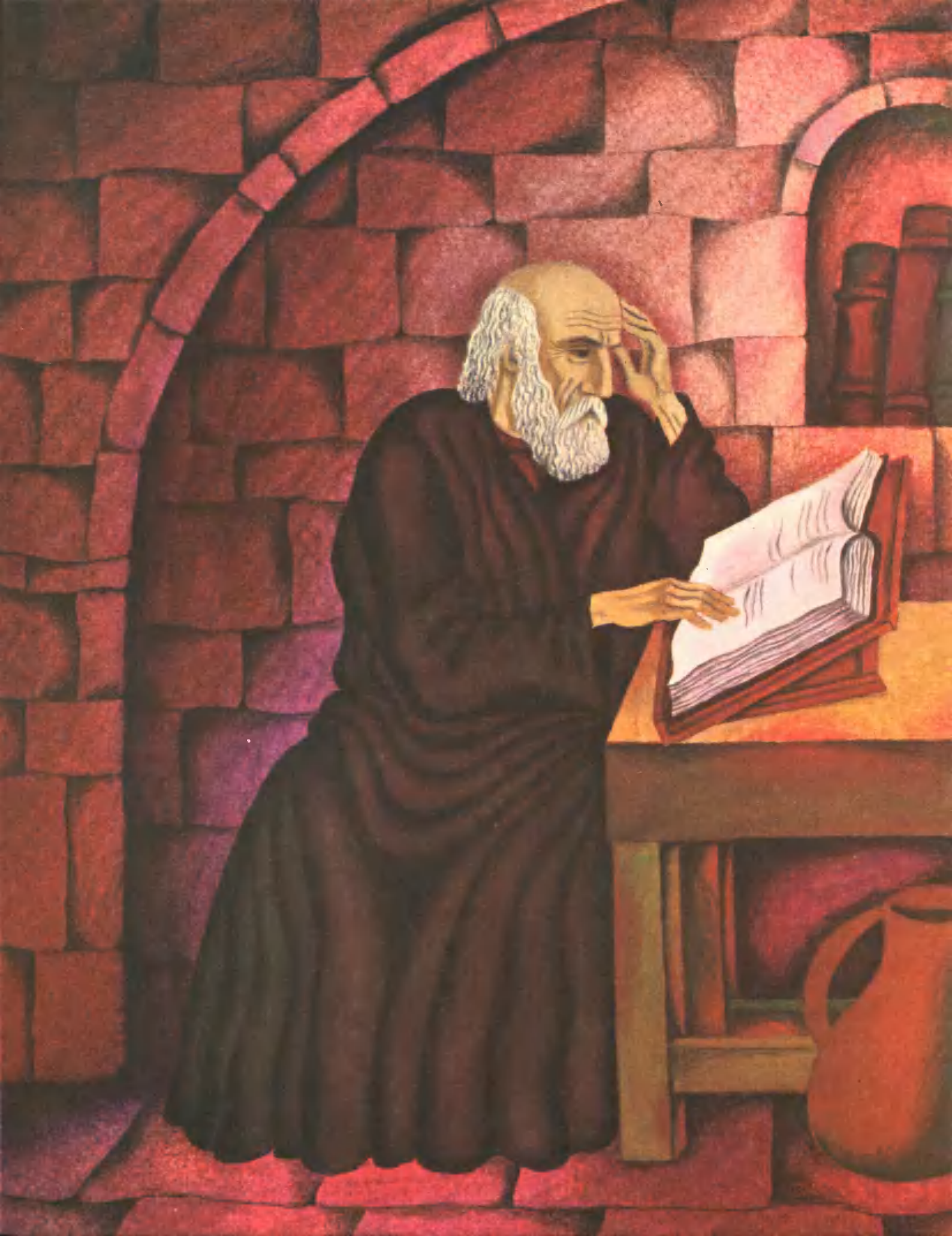
— Что, интересно? — тихо спросил Маштоц. — Великий дар у Коряна — учить детей!

Присмотрелся Гют и узнал в монахе того юношу, который стоял рядом с Маштоцем на берегу реки Аракс. Давно это было.

Маштоц подвёл Гюта к стене, где в больших и малых нишах хранились книги. Взял одну: кожаный переплёт разрублен, многие листы выдраны, позолота с рисунков срезана. У других книг выломаны драгоценные оклады, кровью залиты строки.

Молча, чтоб не мешать уроку, Маштоц и Гют вернулись в келью.

— Сейчас ты видел истерзанные, израненные рукописи. Их защищали в бою, спасали от огня и плена. За пленную книгу персы требуют с нас такой же выкуп, как за воина. Дорогая цена! Но, спа-

сая книги, мы спасаем себя, нашу память, наше будущее. Теперь понял, Гют, что ты во сне видел? Разве не слышал ты, как бездетные супруги усыновляют рукопись, заботятся о ней, врачуют её раны?

— Теперь знаю, что мне делать! — обрадовался Гют. — Дай книгу, мы с Нанэ усыновим её. Пока живы, будем её любить, заботиться о ней.

— Этого мало, — покачал головой Маштоц. — Мало любить и беречь дитя. С ним ведь и говорить надо.

— И поговорю. Немой я, что ли? — удивился Гют.

— Как же ты с книгой будешь говорить, если языка её не понимаешь, читать не можешь? Какой же ты отец! Ладно, попрошу Корюна, чтоб взял тебя в ученики.

Вспыхнул Гют, словно его крапивой по лицу хлестнули.

— Сидеть с детьми малыми?! Палочки рисовать?

— А ты думаешь, учение — забава? Вот тебе перо, срисуй букву!

Гют сердито макнул перо в чернильницу и посадил на пергамент пятно.

— Скорее слижи кляксу! — велел Маштоц. — Губка не всегда под рукой, а засохнут чернила — насилу их пемзой соскребёшь. Что, горек вкус ученья? Зато плоды его сладки. Пиши прилежно, с душой, как будто книгу своей жизни пишешь.

Но как ни старался Гют, огрубевшие пальцы не слушались, вели перо вкривь и вкось. Он устал, рубаха потемнела от пота, а правильно написать букву не сумел. А Маштоц взял перо и одним движением начертал:

ц

— Это буква «айб», первая в алфавите. Вторая — «бен». Поэтому и называется наш алфавит «айбубен». Как, хватит силёнок выучить все тридцать шесть букв?

— Силы у меня на семерых!

— Ну, если и терпения столько же, тогда всё будет хорошо. А научишься читать и писать, придёшь за книгой. Согласен? Первый урок я тебе дал, остальному Корюн научит.

ССОРА

Гют не только учился, но и помогал монахам: пёк хлеб, выделял кожу для сандалий, носил воду, окапывал сад. Тяжело давалась ему грамота, не то что детям: придёт усталый, слушает Корюна, а глаза сами слипаются, словно мёдом намазаны.

Сперва Гют стыдился сидеть вместе с детьми, клал рогожу в углу, но свет туда не доставал, поневоле пришлось пересесть ближе к учителю. Со временем рука его привыкла к письму, язык к чтению. Как счастлив был Гют, когда впервые написал своё имя! Потом — НАНЭ, ДОМ, РЕКА. Улыбнулся радостно, но тут сидевший рядом мальчик потянул лист к себе.

— Ты зачем мой лист взял? Отдай!

— Не отдам, он мой! — рассердился Гют.

— Отдай!

— Не отдам!

Не заметили оба, как подошёл учитель. Взъерошил вихры мальчика, положил руку на плечо Гюта.

— Послушайте, забияки, что я вам расскажу. Жили два старца в одной келье и никогда не ссорились. Вот один старец и говорит: «Как это люди сердятся? Давай и мы хоть раз попробуем». — «Уж и не знаю, брат, с чего ссора начинается», — отвечает второй. «А вот поставлю между нами чашку и скажу: она моя. А ты скажешь: моя! Вот и пойдёт у нас ссора». Поставил старец чашку на стол и говорит: «Моя!» А другой ему: «Нет, моя!» Первый опять: «Не твоя, говорю тебе, а моя!» Второй вздохнул: «Ну, хорошо. Если она твоя, то и бери её». Так и не смогли старцы поссориться.

Гют придвинул пергамент мальчику.

— Возьми, он твой.

— Нет, твой, — ответил мальчик.

— Твой!

— Нет, твой!

И оба засмеялись, самым смешно стало.

СМЕРТЬ МАШТОЦА

Настал день, когда Корюн сказал Гюту:

— Теперь ты умеешь читать и писать. Спасибо тебе, что старался!

— Спасибо тебе, что учил,— Гют низко поклонился Корюну.— Пойду теперь искать Маштоца: обещал он мне книгу.

— Учитель наш тяжело занемог, сейчас он в Вагаршапате. Я пойду с тобой. Завтра вместе выйдем из монастыря пораньше.

— А зачем нам ждать? Путь дальний, до утра немало пройдем! Согласился Корюн. И пошли они в Вагаршапат.

— Какую же книгу хочешь просить у Маштоца? — спросил Корюн.

— Букварь. Ты же сам говорил: эта книга — мать всех книг.

— Правильно, Гют. И я начинал с букваря. С тех пор много книг переписал, а теперь сам пишу о жизни Маштоца, и никогда сердце моё так не радовалось! Хочу, чтоб книга эта хранилась не только в монастырях и княжеских дворцах, но была в каждом доме.

— И в моём? — спросил Гют.

— Да, и в твоём.

...Они пришли в Вагаршапат 17 февраля 440 года, в субботу. В этот день Маштоцу исполнилось семьдесят восемь лет. Многие пришли к Учителю, с волнением ждали его слов.

Болезнь измучила Маштоца. Вглядываясь в печальные лица учеников, он хотел их утешить, но не было сил. Он сделал всё, что мог,— создал письменность, а большего сделать человеку не дано. Теперь пусть ученики продолжают его труд. Неразумными детьми они были, когда он собрал их, а теперь все они — зрелые мужи: историки, философы, просветители. У каждого из них свои ученики, у тех будут свои, и нет такой силы, чтобы остановить знание. По капле оно собирается, а разольётся — нет ему конца.

Последние недели Маштоц не спал, но сейчас боль отпустила, он поднял натруженную руку, благословляя учеников.

— Дети мои, любите друг друга, храните родную речь и нашу землю!

День рождения Месропа Маштоца стал последним днём его долгой и трудной жизни. Тело Учителя несли на руках до подножия горы Арагац. Здесь, в селе Ошакан, предали его земле. Воздвигли часовню из тёсаных камней, украшенных резьбой. Стало это место святыней армян, и до сих пор все называют маленькую церковь в Ошакане «могилой Святого Переводчика».

ГЮТ УЧИТ ДЕТЕЙ

Гют вернулся домой. Как обрадовалась Нанэ! Три долгих года ждала она мужа, от радости не знает, где его посадить, чем угостить. И не сразу заметила Нанэ в руках Гюта два свёрточка: голубой и зелёный, словно младенцы в шёлковых пелёнках.

— Какие нарядные!

— Это, Нанэ, дети наши. Вот БУКВАРЬ, а вот ЖИТИЕ МАШТОЦА, написал его учитель мой Корюн.

Расцеловала Нанэ книги, прижала к груди.

Пришли и соседи, не видели они раньше книг.

— Проходите, гости дорогие, буду учить вас грамоте.

Соседи смущённо переглянулись.

— Гют, не дети мы, чтоб баловством заниматься, — сказал кузнец. — Работа нас кормит, а твоими книгами сыт не будешь.

— Нанэ, накрывай на стол, угощай гостей!

Угощение — другое дело, кто ж откажется? Повеселели соседи. Женщины помогают хозяйке стряпать, мужчины тоже без дела не сидят: мельник принёс муки, кузнец — котёл, садовник — персики и абрикосы.

— Выпейте за моих детей, радости им пожелайте!

— Выпьем, брат Гют, — согласился мельник. — Нарядны твои дети и пригожи, да больно росточком малы.

— Малы? — обиделся Гют. — Ты вот высок, а что ты, кроме своей мельницы, видел? А был бы грамотным, весь мир узнал!

Рано утром постучал в дверь мельник. Не один пришёл, с младшим сыном.

— Брат Гют, не оставил ли я у тебя шапку? Искали и дома, и на мельнице — нигде нет. Верно, Гико?

— Хорошо, сосед, поищу твою шапку. Вот и Гико поможет.

Ушёл мельник, а Гют стал показывать мальчику букварь. Смотрит Гико в книгу, дохнуть боится — никогда такой красоты не видел.

— Смотри, Гико, это буква «гим», с неё твоё имя начинается. Повторяй за мной.

— Гим, — робко повторил мальчик.

— Громче повтори, не бойся. Ну-ка, ещё раз. Большое дело ты сегодня сделал — букву выучил. Самая дальняя дорога начинается с первого шага, а самая мудрая книга — с первой буквы. Теперь возьми палочку, попробуй написать. Прилежнее пиши. Ещё раз!

В селении от соседей не спрячешься. Дверь на засов закрой — всё равно узнают: петух или курица варится в твоём котле. А уж о том, что сын мельника букву выучил, узнали в тот же день. И стали жёны бранить мужей:

— Чем это мы хуже мельника? Почему его Гико уже одну букву знает, а наш сыночек ни одной?

Назавтра чуть свет пришёл к Гюту кузнец, привёл двух сыновей.

— Сосед, позволь до вечера оставить у тебя детей: жена ушла в лес хворост собирать, а мне надо железо ковать.

— Конечно, брат кузнец, дети у нас побудут, разве мы с Нанэ им чужие? Да и Гико сейчас придёт, пусть вместе играют.

Кузнец ушёл — пастух пришёл. Пастух ушёл — скорняк пришёл.

Учит Гют детей, а Нанэ радуется. Не заметила, как вместе с ними и сама все буквы выучила.

ГРОЗНОЕ ВРЕМЯ

Зимой Гют учил детей дома, а пригреет солнце — шли к реке, садились вокруг старого жёрнова, который мельник принёс с мельницы.

Шумит река. Горячее солнце озаряет горы. Такая красота вокруг, но тревожно Гюту.

— Учитель, почему ты молчишь? — спросила внучка кузнеца.

— Душа болит, звёздочка моя.

— Мы отведём тебя домой. Отдохни.

— Нет. Родители ваши трудятся, а мы бездельничать будем? Давайте и мы потрудимся. Пусть каждый с любовью напишет имя того, кто создал наши буквы.

Дети взяли угольки. Каждый старательно написал на жёрнове: **МЕСРОП МАШТОЦ.**

— Ровнее пишите, хорошие мои.

— Учитель, я стараюсь, а жёрнов дрожит!

Не только жёрнов — земля дрожит, словно гора идёт к горе.

— А ну, дети, кто быстрее залезет на дерево?

Мальчишки, как белки, вскарабкались на высокий дуб. Испуганно закричали:

— Ой, сколько всадников! К реке скачут!

— Скорее бегите домой! Скажите родителям, пусть скотину в лес уведут!..

Буйволы режут, овцы блеют, куры кудахчут. И люди кричат, плачут.

Дома завернул Гют книги в шёлк, взял огниво и кремь, чтоб было чем огонь разжечь, засунул за пояс топор. А Нанэ горюет — подошло тесто, не оставлять же его врагу! Пришлось квашню из дома выносить. Да поздно — рядом топот коней, крики. Вздрыгнул Гют — родная речь, армянская!

Великое воинство подошло к реке. Горят на солнце щиты, шлемы, рыбой чешуёй сверкают кольчуги, высоко развевается голубой стяг с золотым орлом. Недалеко от знамени Гют приметил всадника на могучем гнедом коне. Всадник устало расстегнул ремень шлема, пепельные кудри шевелил ветер, на смуглом лице серебрилась коротко стриженная борода. То был князь Вардан Мамиконян. Два года назад нанёс он первое поражение персам. Победа воодушевила армян, но привела в ярость персидского царя, и повелел он своему командующему Мушкану Нисалавурту двинуть против восставших громадную армию, стереть Армению с лица земли.

Гют протиснулся к князю.

— Государь Мамиконян, жена замесила тесто. Отведай нашего хлеба!

— Спасибо, брат, но время нас торопит. Ополчение переправляется по Арташатскому мосту, а конница здесь топчется. Ах, медлим! — Князь гневно ударил кулаком по рукояти меча. — Надо встретить врага за Тхмутом, а мы ещё Аракс не перешли. И ни переправы, ни брода!

— Об этом не тревожься, князь, переведу я войско.

— Где, в каком месте? — От нетерпения Вардан привстал на стременах.

— Здесь.

Подошёл Гют к реке, встал на колени: «Мать-река, помоги!» Сказал — и перешёл Аракс. Взмахнул на правом берегу шапкой — и снова перешёл. Полководец спешился, обнял Гюта.

— Спасибо, брат! Веди войско.

Гют сбился со счёта, сколько раз ему пришлось переходить с берега на берег. Ночь настала, когда к реке подошёл последний полк.

Гют отдал жене БУКВАРЬ, а ЖИТИЕ МАШТОЦА спрятал под рубаху, ту же перепоясал широкий кожаный ремень.

— Жена, береги дитя наше!

— И ты береги!

— Ну, прощай, — обнял Гют жену, поцеловал её слёзы.

— Останься! Куда тебе, старому, воевать?

— Не могу я остаться, Нанэ. Если одолеет нас враг, некого будет учить, некого переводить через реку.

БИТВА

Утром 26 мая 451 года войска персов вышли к городу Маку и стали лагерем к юго-западу от него, на Аварайрском поле. И армяне стянули войска к равнине. С врагом их разделял приток Аракса — река Тхмут с топкими берегами, поросшими чёрным камышом.

Гнедой конь вынес князя Мамиконяна на вершину холма. Вардан оглядел своё войско, словно запоминая лицо каждого. И воины смотрели на седого полководца. Князь вырвал меч из ножен, молнией полыхнул клинок.

— Знамёна к бою!

Грянули трубы, ударили барабаны. Знаменосцы на золотистых скакунах вырвались из шеренг. За ними — прославленная конница Мамиконянов, полки других князей, пешие ратники. За войском двинулась громада народного ополчения: крестьяне, мастеровые, монахи, женщины. Был среди них и Гют.

В горячий майский полдень армянская конница перешла Тхмут и с ходу врубилась в ряды персов. Тучи стрел застили небо. Лязг мечей, треск тетивы заглушали крики и стоны. Солнце закрыло лицо багровыми облаками, чтобы не видеть лютое побоище. А сеча становилась всё ужасней. Зелёную траву, жёлтые, синие, розовые цветы — всё обгарила кровь.

Когда разгром левого фланга персов стал неминуем, они двинули в бой «полк бессмертных» — десять тысяч отборных воинов и слонов,

закованных в броню. Разъярённые животные, подобно землетрясению, сокрушали ополчение, топтали людей. Ужас охватил армян. Увидев, что настал час решительный и страшный, израненный князь Вардан бросил своего коня наперерез бегущим, и над полем грянул его клич: «Дети мои! Смерть неосознанная — смерть. Смерть осознанная — бессмертие!»

Громовой голос полководца услышал и Гют, отбивавшийся топором от персов. Кровь заливала лицо, но он видел высоко сиявший шлем полководца Вардана. И вдруг золотой свет померк, словно звезда упала. Гют рванулся на помощь князю, и в этот миг его будто молотом ударило в грудь. Удар был так силён, что опрокинул Гюта, но боли он не почувствовал. Встал на колени, сию же минуту вытащил оперённую стрелу. Рванул рубаху — железный наконечник пробил ЖИТИЕ МАШТОЦА. Книга заслонила Гюта, спасла его.

Да разве его одного? И только ли от стрелы, пущенной в сердце?!

Книга — духовная твердыня, воздвигнутая письменами. Это речь, вера, память. Это любовь к родине и уважение к другим народам. Книги — как камни, по которым народ переходит реку времени, идя из прошлого в грядущее.

* * *

Время шло по ступеням веков. Воздвигались и рушились города. В прах рассыпались державы. А книги, усыновлённые Гютом и Нанэ, живы. И ты, мой добрый читатель, можешь коснуться их, взять в руки, если когда-нибудь приедешь в Ереван — столицу Армении.

Ещё издали ты увидишь дворец из серого базальта, вознесённый к подножию гор. Это Матенадаран — хранилище древних рукописей. Каждого, кто приходит сюда, поднимаясь по широким гранитным ступеням, встречает величественная фигура Месропа Маштоца, взрастившего на каменистой земле Армении сад цветущих букв.

СОДЕРЖАНИЕ

Г ю т	5
Х л е б	6
Переводчик	7
Н а н э	10
Гюта зовёт царь	12
М а ш т о ц	14
Награда	17
Золотое яблоко	18
Первый урок	19
С с о р а	25
Смерть Маштоца	26
Гют учит детей	28
Грозное время	31
Б и т в а	34

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Вардван Варткесович Варжапетян

САД ЦВЕТУЩИХ БУКВ

Рассказ

Художник Д. Хайкин

Редактор Т. Васильева

Художественный редактор Н. Молоканова

Технический редактор О. Кистерская

Корректор Н. Шадрина

ИБ № 2644

Сдано в набор 14.12.89. Подписано в печать 18.09.90. 60×90/8. Бумага офс. № 1. Гарнитура обычнов-новая. Печать офсет. Усл. печ. л. 5,0. Усл. кр.-отт. 22,0. Уч.-изд. л. 4,83. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1766. Заказ № 68. Цена 1 р. 60 к. Издательство «Малыш». 121352, Москва, Давыдовская ул., 5.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и массовой информации РСФСР. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

В 4803010201—035 без объявл.—91
М102(03)—91

ISBN 5—213—00650—7

© Варжапетян Вардван Варткесович, 1991
© Илл. Хайкин Давид Самойлович, 1991

Scan: Ershov V. G., 2007